
ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

А. И. КОБЗЕВ

О ПРОТИВОСТОЯНИИ ВОСТОК – ЗАПАД

Уважаемые коллеги!

Любой новый журнал вызывает особый интерес. В нем хочется найти то, чего нет в других. Сначала читая редакционную статью в первом номере о редакционных замыслах, а затем просматривая статьи вышедших в свет номеров, я подумал, что для читателей будет интересен новый взгляд на вечную тему «Восток – Запад». Свои теоретические выводы, полученные в результате 30-летних конкретных востоковедных культурологических и историко-философских исследований, я решил изложить в этом письме. Их настоящая форма изложения обусловлена драматической актуализацией данной проблематики в современном мире, стоящем перед апокалиптическим выбором «конца истории» или «столкновения цивилизаций».

Используемая мною методология сформировалась в культурологии, и у нее самой даже нет устоявшегося названия. Я назвал бы ее «культурологическим диадизмом». Ее наиболее яркое проявление на русском языке – книга «Чет и нечет» (1978) академика Вячеслава Всеволодовича Иванова, в последнем варианте опубликованная в первом томе его «Избранных трудов по семиотике и истории культуры» (1998). Но я хочу немного углубить культурологические исследования, связанные с изучением человеческих обществ и идеологий, ментальных структур, в область онтологии, физики. По последним данным точных наук, получается, что мир, в котором мы живем, принципиально двоичен. На простейшем уровне это – деление, скажем, на материю и антиматерию. Это первый признак.

И второй признак: в этой исходной двоичности есть некоторая физическая асимметрия, связанная с пространственными характеристиками. Есть «принцип левизны», открытый лауреатами Нобелевской премии, этническими китайцами Ли Цзундао и Ян Чжэньнином. По-видимому, такая структурная двоичность с некоторой асимметрией может быть прослежена на всех уровнях существования материи от первого взрыва до строения человеческого тела, человеческого общества, цивилизации, ментальных структур и философских построений. Я обозначаю пунктиром уровни «снизу вверх».

Спираль ДНК – двойная. В принципе, она могла бы быть и тройной, например, но она двойная. Хромосомы, как известно, двойные. Само развитие клетки происходит по принципу деления надвое. Органы человеческого тела двоичны, дублируют друг друга. Наконец, человеческий мозг состоит из двух частей, причем и морфологически, и функционально. Далее. Человек – двуполое существо. Первичная социальная структура человеческого общества, как хорошо показали антропологи, в принципе двоична – классическое деление первобытной деревни на две части, как правило, экзогамные. Наконец, мы подбираемся к самому главному для нас делению – на Восток и Запад. Кстати сказать, эта позиция тоже в большей степени китайская, потому что для китайской культуры наиболее значимо деление по линии «весна – осень», «Восток – Запад», а не по центральной для нас линии «зима – лето» и «Север – Юг». Тут я подчеркну два момента: во-первых, существование этой оппозиции, а во-вторых, то, что она, являясь формальной, может наполняться самым разным содержанием в зависимости от исторических обстоятельств; мы являемся современниками того, как смысл этой оппозиции изменился. Некоторое количество лет тому назад «Восток – Запад» означало противостояние Советского Союза и Восточного блока Западной Европе и Америке, а сейчас это нечто другое.

Я попытаюсь сформулировать некоторое новое понимание этой оппозиции. До недавнего времени, до наступления XXI века, эта оппозиция носила локальный характер, начиная, грубо говоря, от древних греков; то есть человечество не было глобализовано, не было единым. И поэтому соотношение «Восток – Запад» носило

относительный характер в рамках той ойкумены, в которых оно действовало: греки, скажем, противопоставляли себя восточным варварам – персам. А вот сейчас она наконец приняла максимально общий глобальный характер.

Следующий момент. Я постараюсь трактовать эту позицию максимально широко в культурологическом смысле. Для этого надо провести минимальную инвентаризацию культурных типов, которые могут претендовать на подобные роли. Вообще говоря, есть масса классической литературы на эту тему, где таковых выделяется от 5 до 20. Сразу отбросим умершие цивилизации, возьмем живые. Из живых отберем сначала наиболее автохтонные и древние, а потом максимально полные, структурно достроенные. Каждую такую культуру удобно представить в виде пирамиды – одного из величайших культурных символов человечества. При этом под ее основанием я понимаю естественный язык, устную речь. Следующий слой – это письменный язык. Дальше – различные формы культуры: материальная, духовная, политическая, моральная, художественная и т. д. А на вершине пирамиды находятся обобщающие методологические формы. Это религия, наука; дальше идет философия как некоторая синтетическая идеологическая система или, говоря современным научным языком, «теория всего». На самой вершине – это мое мнение – должна находиться методология самой философии, господствующей в каждой до конца сформировавшейся культуре.

Эта идея была осознана уже древними философами. Те последователи Аристотеля, которые распределили его наследие на три части – физику, метафизику и органон, осознали эту идею в рамках научно-философского комплекса, который создал Аристотель и который действовал в Европе до XIX века как методологический философский фундамент (в моей метафоре «крыша»). Так вот, учениками Аристотеля был выделен органон – методология всей этой конструкции. А что это за органон? Это – логика, методология философии. Естественно, эти пирамиды могут быть неполными. Нет культуры без основания, но уровней может быть меньше. И уж точно они могут быть без «вершины»; мы знаем культуры, в которых нет философии.

Теперь возвращаемся к нашему инвентарному списку. Таких претендентов всего три: западный мир (западная цивилизация в целом как наследующая грекам и римлянам), индийская и китайская цивилизации; четвертого исторически не дано. Должна быть проведена следующая дихотомия (поскольку я придерживаюсь двоичной системы): надо разделить три элемента на два класса. Естественно, возникает проблема Индии. В классическом западном делении Индия – это Восток. Банальный ответ – это противостояние Индии и Китая Западу. Моя не совсем банальная идея состоит в том, что объединение должно быть принципиально иным. В качестве единого западного комплекса, противостоящего Востоку, должны рассматриваться индийская и западная цивилизации. Аргументы следующие. С точки зрения генетической или исторической это связано с более общей проблемой происхождения человека. Совершенно очевидно, что корни у тех народов, которые сформировали эти две цивилизации, едины. Я имею в виду, скажем так, ариев. С точки зрения лингвистической это языки одной группы; данные цивилизации зарождались во времена, когда были прямые контакты между их народами, они влияли друг на друга, и типологически те мировоззренческие системы, которые лежат в их основе, являются общими.

Заканчивая с генетическим аспектом, хочу сказать следующее. Я разделяю мнение о по крайней мере двух очагах сапиентации человека – афро-европейском и азиатском, связанном с нынешней территорией Китая. Я уверен – и на то есть достаточно аргументов, связанных с современными раскопками, нахождением проточеловека на территории Китая, – что происходили два параллельных процесса сапиентации. Здесь могут быть разные детали, связанные с проблемой происхождения рас, со смешением разнородных типов человека, с регрессом, но я в них не вдаюсь. Во всяком случае, прослеживается единая линия нахождения предчеловека в разных исторических формах до 800 тысяч лет до н. э. на территории Китая. Я исхожу из того, что на Западе и на Востоке (в Китае) культуру создавали антропологически несколько разные типы человека. Эти два типа сформировали два разных типа языка. Насколько мне известно, все попытки максимального расширения и обобщения

групп родственности языков, включая ностратическую общность, доходят до китайского языка и перед ним останавливаются.

В связи с вопросом о фонетике языка должен сказать следующее. Исследования Романа Jakobson очень хорошо показали действие принципа двоичности в формировании любого языка. Он показал, что все фонемы формируются на основе двоичных различительных признаков; и там действует закон, который в его формулировке получает такое философское звучание: функционирование любого языка – это противопоставление некоторого факта ничему, так сказать, теория нулевого знака (на языке логики формулируется как закон противоречия, исходящий из оппозиции «А» и «не А»). Это культурологическая формулировка того самого принципа асимметрии двоичности или того, о чем резонно писал Э. С. Кульпин: основа любого существования состоит в том, что есть некоторая стабильность, устойчивость, которая является доминантной, а всякое изменение связано с появлением нового признака, с некоторым отклонением, в биологическом смысле – мутацией, в чем есть определенный риск как в отклонении от главного. И этот принцип прослеживается на всех уровнях существования и человека, и культур. Так же делятся люди и по половому признаку: носителем стабильности в любом человеческом сообществе является женщина, а носителем мутации, риска отклонения от стандарта, от нормы – мужчина, представляющий мировой отряд прогресса. Этот же принцип реализуется и в противостоянии западной и восточной культур.

Основная моя идея состоит в том, что развитие западной культуры – это постоянное типовое отклонение от нормы в том смысле, в котором я определил выше, постоянные мутации, отклонение от стандартов, связанных с нормальным человеческим существованием.

Что такое нормальное человеческое существование? Это существование, связанное с удовлетворением обычных биологических потребностей человека, с жизнедеятельностью человека как биологического существа, ориентированного на выживание, на создание семьи, на рождение и выращивание детей, на хорошее питание и развлечение. Не этим ли славна китайская культура? Показательно высказывание Сунь Ятсена: «Мы, китайцы, опередили вас, европейцев, в области кулинарии на 4 тысячи лет». В области кулинарии, в

области эротологии (как известно, «любовь и голод правят миром») и в других, где это связано впрямую с человеческим существованием, китайцы всегда были на передовых позициях.

А с чего начинается западная цивилизация? Посмотрим на знаковые фигуры, которые задавали идейные, концептуальные парадигмы дальнейшего развития. Вот Фалес – первая фигура в европейской философии. Он принципиально отказывается от социальной и экономической эффективности, доказывает, что может разбогатеть (история с предсказанием урожая оливок), но сознательно этого не делает. Далее, он принципиально не женится (а это нарушение основ человеческого существования). Следующая знаковая фигура – Демокрит, который продолжает эту линию; он – знатный и богатый человек, а его выгоняют из родных Абдер за то, что он промотал отцовское состояние. На самом деле Демокрит – это типичный библейский блудный сын, но выставленный как положительный персонаж. Он выкалывает себе глаза для того, чтобы чувственность не отвлекала его от умозрения. Здесь мы подступаем к самому главному.

Но следует кое-что отметить в связи с антропологическим типом и теми новейшими научными данными, которые изложены в упомянутой книге Вяч. Вс. Иванова. Это – деление по признаку, связанному уже с письмом (со вторым уровнем нашей пирамиды): алфавитное или иероглифическое. История письма показывает, что иероглифическое письмо – это естественный стандарт, это начальная, исходная стадия возникновения любого письма. Алфавитное письмо – это отклонение от нормы, это некоторая мутация, возникшая один раз в истории человечества, в одном месте и, по видимому, связанная с некоторыми антропологическими характеристиками тех людей, которые его изобрели, сделали. Даже у непосредственных предшественников греков – финикийцев – алфавит носил черты иероглифичности: их буквы имели лексические значения, чего уже не имели греческие буквы. Знаменательно, что греки, восприняв этот алфавит, начинали писать, как финикийцы и все семиты, справа налево, а потом их словно кто-то принялся дергать за руку и они стали писать в обе стороны попеременно – бустрофедонно, а в конце концов пришли к написанию слева направо. Здесь видна биодинамика, внутренняя физиологическая сила, дергающая

эту пишущую руку, что, очевидно, связано с функциональной асимметрией мозговых полушарий. Современными исследователями показано, что локализация тех динамических структур в мозге, которые отвечают за работу с иероглификой и фонетическим алфавитом, различается. Алфавит связан с левым полушарием, с правой рукой и исторически более прогрессивной, меняющейся частью мозга, а китайская иероглифика – с правым полушарием, с левой рукой, и той частью мозга, которая отвечает за стабильность. Чем это обусловлено? Это продукт социальной организации, государственного устройства или в целом конкретной культуры? Или же это свойство человека как определенного антропологического типа? Мне кажется, что есть основания говорить о последнем.

Две половины мозга отвечают за разные функции человеческого мышления и дифференцируются как анализ и синтез, перекрестно соотносясь с двумя половинами тела: левая половина и правая рука, правая половина и левая рука. Мы наблюдаем на верхнем уровне – идеологии и культуры – следствие этой дифференциации. Действительно, продукты китайской философии, духовной культуры синтетичны. Аналитическое деление на философию, литературу характерно для Запада и не характерно для китайской культуры. В Китае всякий философ – писатель и, как правило, еще и поэт, производящий синтетические идейные продукты. И сама иероглифика тоже является синтетической, потому что она, в отличие от букв, которые ничего не значат и представляются некоторой абстракцией, изобразительна; помимо того, что иероглиф что-то обозначает, он еще и изображает.

Особенности западных языков как флективной устной речи и связанной с ней алфавитной письменности позволили возникнуть тому типу философии, который появился в Древней Греции. Что здесь самое главное? Это формальное грамматическое выделение свойств и их отличие от объектов. Существование морфологических признаков прилагательных и причастий, чего нет в китайском языке. Например, «красный» или «бегущий» – это свойства; язык показывает, что это – свойства, и их можно соответственно субстантивировать. Это отвлечение свойств и использование для субстантивации таких ничего не значащих, пустых форм, как буквы, и

позволило возникнуть «идее идей» как некоторому конструкту мироздания. За этим стоит интеллектуальный скачок в трансцендентное (истинное) бытие. Все материально, все имеет какую-то размерность, плотность, вес и т. д. – и вдруг в основе всего этого лежит то, что по определению не имеет никаких физических характеристик, что не пространственно и не временно. Мы, конечно, к этому привыкли, но идея идеального безумна. Ее генетическое происхождение я связываю с другим дофилософским безумным явлением – культом огня и сожжением своих предков при захоронении. Это тоже безумство. Для всех древних архаических культур тело предка – это самое ценное, главное сокровище, предмет культа (ср. мумии египтян и их сравнительно недавно найденные аналоги в Китае). И вдруг самое ценное начинает сжигаться. Способ захоронения тела тоже является важным различителем для этих культур. Индоарийский ареал характеризуется обычаем сжигать тела. Отголоском этой причинно-следственной связи, как мне кажется, является ранняя философия Гераклита Эфесского, у которого субстанцией мира оказывается огонь, который в то же время идентифицируется им с логосом (в терминологии того времени, носителем и обозначением идеи). Эту линию можно проследить и дальше. С одной стороны, идет цепочка от логоса к Иисусу как Логосу – и вплоть до наших раскольников, которые себя сжигали. А с другой стороны, идет линия, которая позволяет разделить использование золота и меди в качестве монеты. Золото, принципиально не использовавшееся китайцами и использовавшееся (и использующееся до сих пор) на Западе в данном качестве, является материальным эквивалентом и физического, и духовного огня, или света, что означает не чисто экономический, а символический характер его использования, и в этом смысле золотой стандарт имеет фундаментальное культурологическое значение.

Мы подходим к различению основных философских линий по дихотомии «идеализм и натурализм». Безумная идея, воплощенная в образе физического самоослепления философа (которая коренится в еще большей исторической глубине – скажем, в слепоте Гомера), формирует представление о философии как о теории идей, как об онтологии, как о метафизике, принципиально занимающейся тем,

что находится вне физики, за физикой, впереди физики, то есть сверхприродно (великая метафора платоновской «пещеры»). Настоящий, подлинный мир нематериален, а все материальное – инобытие. И – абсолютно противоположный китайский подход, для которого никакого другого мира нет, все – здесь и сейчас. Принцип антропности в этой структуре мира выделяет человека как главную ценность, как существо срединное и самое ценное. Тут сразу возникает физическое и ценностное помещение человека в центр. Дело доходит до синонимии – есть такой знаменитый конфуцианский термин «син ли» («син» – это природа, пол; а «ли» – принцип). С одной стороны, это физика, законы природы в широком смысле, а с другой – законы человеческой природы, антропология. Данный термин показывает, что физика и антропология суть одно и то же. И отсюда – знаменитая характеристика этичности китайской философии. Если взять исходное разделение философии на три части – онтологию, логику и этику, то оказывается, что на Западе онтология всегда стоит впереди этики (как практической философии), а в Китае – наоборот. Почему? А потому, что человек важнее всего остального. И современные китайские теоретики, которые уже хорошо знакомы с западной традицией, считают, что важнейшее достижение китайской культуры – это моральная метафизика. Они полагают, что тут превзойден самый главный европейский философ Кант, который не смог создать моральную метафизику как единое теоретическое целое.

В Европе буквы как основа письменности послужили моделью для онтологии, и они же одновременно использовались как первые символы в логической методологии: первую логическую символизацию осуществил Аристотель, который использовал буквы греческого алфавита для определенных логических форм. А Демокрит использовал буквы как символы атомов. Собственно говоря, сами греческие и римские термины для элемента как основы бытия связаны с алфавитом, потому что греческий термин «стойхейон» (по-нашему «стихия») – это одновременно и буква; а «элемент» вообще образован буквами «эль», «эм» и «эн» – это аналог азбуки («аз», «буки»). Вот свидетельство того, что на Западе буквы выступили как модели для понимания мира. А на другом конце ойкумены нет

никаких букв и нет членения на нематериальные элементы, которые оказываются или эйдосом, или атомом (в переводе на латинский язык – индивидом). Атом же есть «неделимое», некая безразмерная метафизическая, то есть в конечном счете идеальная, сущность, оборачивающаяся тем же эйдосом (что отражено и в терминологии Демокрита). На физическом уровне – атом, на антропологическом – человек, индивид, и его основой тоже является некоторая нефизическая сущность, его личность, душа, идеальное Я.

На Востоке, в Китае, личностью признается совершенно другая величина – абсолютно материальный целостный организм, с которым можно поступать как с физической величиной: он размерен, физиологичен, морфологичен и т. д. Короче говоря, это тело, наделенное некоторыми духовными характеристиками. С одной стороны, мы имеем идеализм и атомизм, с другой – натурализм и процессуализм, циклическую изменчивость реальных вещей, что, собственно, и отражено в самом названии основной канонической книги данной культуры, аналоге Библии, книги книг – «Книги перемен».

Теперь о понятии бытия, которое в развитом виде мы имеем на Западе и которое оказывается некоторой абстракцией от копулятивной связи «есть-существует» (отсутствующей в китайском языке). Известна классическая языковая оппозиция служебных слов «быть» и «иметь», и в разных культурах одно из них оказывается более важным. Для всей западной культуры стала более важной абстракция от служебного глагола быть – бытие, а в Китае сложилось прямо противоположным образом: аналог этого философского термина – слово со значением «иметь» – «бытие-наличие», или «наличное бытие». Идейное содержание принципиально различно: бытие – это самостоятельная сущность, а наличие – это наличие чего-то, это всегда некоторая наличная данность, идейно соответствующая натурализму.

Далее – идея бога. Вектор развития от греческого идеализма через иудео-христианский монотеизм сформировал понятие бога как абсолютно неземной, трансцендентной сущности, понимаемой в рамках оппозиции: Бог – это антиприрода, это надчеловеческая сущность. И наоборот, в Китае бог – «небо» – это синоним природы, отражающий естественный пантеизм, категория, которая на

прямою связана с человеком, потому что человек – это существо, живущее в Поднебесной, буквально «под небом». И Поднебесная, кстати сказать, это синоним человечества. В западной методологии, которая работала с подобными понятиями, абстракция понимается как идеализация, как отрыв свойства в качестве идеи. А в Китае имеет место то, что я называю репрезентативной абстракцией (представление общего через единичное в качестве центрального члена множества). К примеру, ван (царь) – это лучший человек («единственный человек» в архаической терминологии), он представляет людей вообще. Соответственно выбор носит ценностный, а не логический характер.

В целом методология в одном случае называется «логикой», в другом – «нумерологией». Логика есть теория отношений между идеями – внепространственными, нематериальными, нефизическими, вневременными сущностями. Все три основных закона формальной логики построены на двух категориях: тождества и противоречия. В китайской культуре тождеству соответствует категория подобия, а противоречию – категория противоположности. Эти категории хороши для работы с материальными объектами, а первые (тождества и противоречия) – с идеальными.

На Западе традиционно категория пространства доминировала над категорией времени, а в Китае мир искони понимается как единое пространство-время (это, как ни странно, хорошо соответствует современному пониманию, сформировавшемуся после теории относительности). Линейному пониманию времени на Западе противостоит его циклическое понимание в китайской цивилизации. В соотношении идеологических, культурных форм в их иерархии на этой пирамиде на Западе есть классическое понимание теологии как царицы наук, что связано опять-таки, с одной стороны, с философским (аристотелевским) пониманием Бога, с другой стороны, с христианским его пониманием. Почему этот синтез произошел так естественно? Да по очень простой причине: потому что и та, и другая сущности действуют в идеальном мире. С этой точки зрения, они абсолютно одинаковы. Между прочим, все это не противоречит и западной науке, потому что ее законы тоже действуют в том же самом идеальном мире. А китайская наука и философия

имеют дело с теми сущностями, которые находятся здесь, в этом натуральном, физическом мире. Соответственно и законы здесь другие.

Что касается религии, то в Китае нет ни догматов, ни богодухновенных книг, ни самого принципа богодухновенности, и аналогами «религии» могут выступать только термины типа «ли» (ритуалы) или «цзяо» (учение). Само понимание культуры на Западе терминологически, и этимологически и семантически, связано с культом, то есть с теми ценностями, которые находятся вне этого мира, над ним. А китайское понимание культуры, напротив, связано с внутримировыми ценностями; китайская культура – это «вэнь», это письменность и литература, а письмена по-китайски называются «ти» (телами). Тут важно то, что этот мир – мир тел, и человеческая личность – тело, и знаки – тоже тела. Всё суть тела, и эта культура – культура телесных форм.

Носитель западной культуры – вот еще одна «патология» – изначально был ориентирован на отрешение от этого мира, на выход из него (и традиционные формы выхода – монашество, целибат, вплоть до таких радикальных форм, как скопчество). Напротив, китайский вектор человеческой жизни – обязательство перед социумом, перед семьей; это погружение в мир, или – в рамках конфуцианской идеологии – в социальный мир, в рамках даосской – в природный мир.

Все это в общем виде можно охарактеризовать как трансцендентность западных ценностей и имманентность китайских. Соответственно здесь есть один тонкий момент: а как это сочетается на Западе с практичностью, прагматичностью, прогрессом, эффективностью и т. д.? Парадоксально, но именно эффективные в материальном мире модели строятся как идеальные структуры, относящиеся к внемирским сущностям, и, более того, здесь расширено понятие рациональности. Китайская и западная рациональности – разные. В кантианской терминологии можно было бы сказать, что в Китае – рассудочность, а на Западе – разумность. Разумность в том смысле, что она принимает антиномии; чистый западный разум антиномичен. Расширение границ рациональности началось уже в Древней Греции, а христианская теология подлила масло в огонь, и разгорелся пожар иррационального рационализма. Что я имею в

виду? Первое: когда древние греки столкнулись с иррациональными числами (несоизмеримость гипотенузы и катета), это стало будоражить их пластический ум, но все-таки это препятствие было преодолено; и затем уже в математику спокойно вошли и иррациональные, и мнимые числа, принципиально неизобразимые вещи, нереализуемые функции. Это – на фоне тезисов «верую, ибо абсурдно» и «Бог является единым, но троичным»; а это все невозможно в физическом мире, только в математических моделях или метафизических спекуляциях. А в натуралистическом мире китайцев ничего такого нет и не может быть. Но, повторяю, моделирование на основе иррациональностей, тем не менее, расширяло интеллектуальные возможности западного человека и позволяло ему создавать те модели, которые оказывались эффективными в физическом мире; на их основе создавалась современная техника и технология.

Для западного мира характерна антиномия: фатализм, связанный с прямым руководством высших сил, и свобода воли личности, имеющей собственную идеальную сущность и в этом смысле абсолютно самостийной. Китайский путь в этом смысле срединный. Там есть понятие предопределения (хороший перевод для термина «тянь мин») как некоторой заданности (аналогом может служить некоторая генетическая заданность, которая предопределяет генотип, но не определяет полностью фенотип).

При формировании идейного ядра западной философии возрожествовал монадизм; из двух основных очагов западной культуры – из Афин и из Иерусалима – шли два монадических потока: с одной стороны, первичная философская идея нахождения единой субстанции (с чего начал Фалес), с другой – монотеизм. И этому противостоял естественный китайский диадизм. Философский диадизм в Китае – теория «инь-ян», теория универсальной двоичности всего, а также взаимодействия этих бинарных частей в динамике, что, собственно, дает теорию цикличности и весь китайский процессуализм. (Хочу сразу оговориться: необходимо четко различать китайские теории циклов и реальные циклические процессы. Что касается последних, то, как мне кажется, они есть везде, у любого народа, так уж устроен человек. Поэтому, может быть, здесь Китай

ничем и не отличается от других стран.) Так вот, эта универсальная китайская теория диадичности абсолютно естественна: это взгляд трезвого, рационального, здравомыслящего человека на то, что его окружает, на его собственную жизнь. А западный монадизм – это, наоборот, некая абстракция, некоторое отклонение; реализация того импульса, который, в отличие от китайца, каботировавшего вокруг своей родины, нес западного человека в иные миры, на и за край света, в крестовые походы, за тридевять земель, в Атлантику, в Новый Свет (который ассоциировался с концом света или тем светом) и наконец – в космос. Это то, что Шпенглер называл «фаустовской душой»; а фаустовская душа, в сущности, безумна. «Остановись, мгновенье» – лозунг безумия, говоря клиническим языком. Западный взгляд – безумный, шизофренический. Китайский – взгляд не безумного человека, а абсолютно разумного и приземленно рассудочного.

Неожиданно, в XX веке, пророчества о конце Запада сбылись – но не по программе-максимум, а по программе-минимум, то есть наступил не конец света, а конец западной культуры (сейчас это, используя эвфемизм, называют «постхристианским миром»). А что это означает? То, что безумие кончилось; западный человек оставил надмирные божественные цели – идеалы монашества, отречения, аскетизма, служения внемирным идеалам. Современный западный «золотой миллиард» живет совершенно другими ценностями – витальными, экономическими, ценностями прав человека как физиологического существа. Ему нужен комфорт, питание, образование, услуги и удовольствия («хлеба и зрелищ»). Произошла смена культурной парадигмы. То, что было предсказано такими пророками, как В. С. Соловьев, осуществилось (хотя мы, может быть, этого и не видим). И в этом смысле западный человек вернулся к тем ценностям, которыми всегда жил китаец. Практическое совпадение сочетается с некоторым теоретическим совпадением, то есть та диадическая философская теория, которая тысячелетиями развивалась в Китае и дошла до пределов совершенства, вдруг неожиданно начинает формулироваться – как господствующая культурологическая теория – на Западе. И это соответствует условиям жизни человека. В 30-х годах XX в. выдающийся ученый и теолог, о ко

ло 20 лет проживший в Китае, П. Тейяр де Шарден охарактеризовал китайскую жизнь как «бесконечно усложненный неолит». И примерно к этому мы сейчас движемся с западной стороны.

Если все это так и пойдет в современном мире, то носитель китайской культуры окажется гораздо более адаптивным и в его руках окажется гораздо больше средств для того, чтобы прогрессировать в рамках этих программ. Я уж не говорю о том, что пифагорейская максима о том, что все есть число, реализовалась на наших глазах в компьютерной технологии. Кстати, пифагорейство – это тоже китаизм внутри западной культуры, но до недавнего времени маргинальный. Он построен на тех же символах и числах, которые составляют основу китайской методологии – не логики, а нумерологии. Главная ныне форма передачи информации – в виде двоичных чисел и оцифрованных образов (символов). Даже западный идеализм сейчас существует в форме виртуализма. А этот виртуализм материализован как символ и число, то есть буквально по названию китайской нумерологии – «учение о символах и числах» (сян шу чжи сюэ).